

Воздействие общины на семью было всепроникающим. Однако крестьяне воспринимали общину как второстепенное звено при решении семейных дел и в случае необходимости для их урегулирования обращались к местной администрации. Автор объясняет это рядом причин. Основными из них были: слабость общины на первоначальном этапе колонизации, когда государственная администрация была организатором устройства поселенцев; отношение правительственной власти к семье как основной податной единице и вытекающее отсюда стремление к непосредственному контролю за семьей.

Рецензируемая книга снабжена интересным документальным приложением, которое отражает основные моменты семейно-бытовых отношений.

В целом монография Н. А. Миненко, написанная на свежем, впервые вводимом в научный оборот материале, дает многостороннюю характеристику западносибирской семьи и успешно продолжает традицию советского сибиреведения.

Е. Н. Бакланова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

В. А. Кузьмищев. У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков. М., 1979, 383 с.

Рецензируемая книга В. А. Кузьмищева посвящена одному из самых известных хронистов Перу — Инке Гарсиласо де ла Вега. Автор справедливо подчеркивает особую важность творчества этого первого представителя подлинно перуанской литературы, органично синтезировавшего в своих произведениях два национальных начала — индейское и испанское. Жизнь, творчество и личность Инки Гарсиласо давно интересуют В. А. Кузьмищева¹. Ему принадлежит первый перевод на русский язык основного труда хрониста — «Подлинных комментариев инков», которые являются одним из основных письменных источников по истории раннеклассового инкского государства. В новой книге В. А. Кузьмищев подвел итоги своим размышлениям о выдающемся перуанском писателе и историке.

Книга начинается исследованием родословной Гомеса Суареса де Фигероа (инка по матери и знатный испанец по отцу), который позже принял имя Инки Гарсиласо. Автор ставит перед собой задачу не просто воспроизвести генеалогические сведения, а выяснить, насколько крепки были узы, связывавшие Гарсиласо с каждым из упомянутых начал и насколько подлинной была та информация о Древнем Перу, которая вошла потом в его произведения и, прежде всего, в прославленные «Комментарии». Во второй главе книги В. А. Кузьмищев развивает положение о синтезе двух начал — индейского и испанского в личности Гарсиласо.

Разбирая политическую обстановку в Перу в годы юности хрониста, автор характеризует ее как «своеобразное двоевластие», когда, наряду с господством конкистадоров, еще существовало, хотя и в сильно урезанном виде, государство инков, да и все население огромной страны продолжало в основном жить по инкским законам. Лишь в 70-х годах XVI в. при вице-короле Франсиско де Толедо испанцы сумели полностью подчинить себе Перу. Эта сложная политическая ситуация не могла, как справедливо полагает В. А. Кузьмищев, не сказаться на формировании личности Гарсиласо. Именно в перуанский период, пришедшийся на детство и юношеские годы (Гарсиласо покинул Перу в 1560 г., когда ему был 21 год от роду), были заложены основы его мироощущения, трагичного в своей двойственности. Выходом из этой двойственности для Инки стала работа над «Комментариями», в ходе которой два противоположных начала его личности слились в один «латиноамериканский» сплав.

Подробно прослеживая жизненный путь Инки Гарсиласо в Испании, В. А. Кузьмищев указывает еще на один источник его творчества — идеи итальянского Возрождения, с которыми молодого метиса познакомил, вероятно, его дядя — капитан Алонсо де Варгаса, участник войн в Италии (с. 94—104). Гуманистические идеалы этой эпохи сказались на главном произведении Гарсиласо, само название которого прямо связано, как считает В. А. Кузьмищев, с «Комментариями» Юлия Цезаря.

Но, по мысли В. А. Кузьмищева, дело не ограничилось лишь влиянием передовых идей XVI века на Инку Гарсиласо. Он говорит и об обратном влиянии, о той роли, которую сыграли «Комментарии» в развитии современной им общественной мысли. Этой роли посвящена шестая глава книги, где автор подробно обосновывает уже высказывавшуюся им гипотезу² о том, что именно описание инкской державы — Тауантинсуйю в

¹ В. А. Кузьмищев. Инка Гарсиласо де ла Вега и его литературное наследство. Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков (перевод В. А. Кузьмищева). Л., 1974; *его же*. Гарсиласо де ла Вега. — «Культура Перу». М., 1975.

² В. А. Кузьмищев. Кампанелла и Гарсиласо. Влияние, заимствование или случайные совпадения? — «Латинская Америка», 1975, №№ 4, 5.

«Комментариях» Гарсиласо послужило источником одного из выдающихся произведений раннего утопического социализма — «Города Солнца» Т. Кампанеллы. Путем сопоставления двух этих сочинений автор пытается доказать, что в их описаниях существует целый ряд совпадений. Сопоставление это проделано В. А. Кузьмищевым достаточно убедительно, чтобы считать его полноправной научной гипотезой, хотя автор и не доказал окончательно связь между этими двумя сочинениями. Но он и не настаивает на своей версии, как на непреложной истине. На с. 342 он пишет, что «даже наличие всех изложенных доводов и соображений все же не позволяет утверждать, что Кампанелла заимствовал у Гарсиласо какие-то идеи или „фактический материал“, поскольку прямых доказательств такого заимствования нет».

Простые параллели позволяют В. А. Кузьмищеву причислить «Комментарии» к «литературе утопического социализма, правда в ее своеобразном, американском, и, безусловно, стихийно-примитивном варианте» (с. 342). Вывод смелый, но небезосновательный. И далее автор говорит о той идеализации инкского общества и самих инков, которая была свойственна сочинениям Гарсиласо. Такая трактовка «Комментариев» убедительно объясняет и их значительность как литературно-публицистического произведения, и проинкскую тенденциозность этой книги, несколько ограничивающую ее значение как исторического источника. Недаром именно «Комментарии» послужили основой концепции «инкского социализма».

Большое внимание В. А. Кузьмищев уделит изучению истории создания каждого из произведений Инки Гарсиласо. К сожалению, здесь есть определенный композиционный просчет, когда история создания «Комментариев» излагается в непосредственной связи с биографией Гарсиласо, а сведения о других произведениях, в том числе и предшествующих «Комментариям», выделены в отдельную главу, помещенную после жизнеописания хрониста. Процесс творческой работы Гарсиласо над главной книгой его жизни скрупулезно проанализирован автором. При этом В. А. Кузьмищев уделяет большое внимание психологической предопределенности создания первых его произведений, послуживших ступенями творческого пути, приведшего к появлению «Комментариев».

Очень интересна гипотеза В. А. Кузьмищева о том, что непосредственным толчком к литературной деятельности для Гарсиласо послужило жестокое подавление королевскими войсками восстания морисков в Испании в конце 60-х годов XVI в. Участие в этой несправедливой и кровопролитной войне, по мнению автора, нанесло будущему хронисту глубокую травму, напомнив о судьбе его родины — Перу. Будучи, по-видимому, усугублена известием о казни в 1572 г. последнего Сапа Инки — Тупак Амару I эта душевная рана заставила Гарсиласо прийти к решению поведать миру правду об инках и устройстве их государства. И совершенно естественно, что правда эта представлялась молодому метису в несколько идеализированном виде. Такая гипотеза выглядит достаточно убедительной, исходя из той психологической характеристики личности Инки Гарсиласо, которую дает В. А. Кузьмищев на предыдущих страницах книги.

Вторая половина книги посвящена характеристике инкской державы, как она представляется автору по сочинениям четырех крупнейших хронистов Перу — Гарсиласо де ла Вега, Сьесы де Леона, Сармьенто де Гамбоа и Помы де Аяяла. В. А. Кузьмищев пишет, что они были отобраны для сравнительного анализа, поскольку «все они создавались примерно в один и тот же период — вторая половина XVI — начало XVII в. Каждое из них абсолютно оригинально и, бесспорно, интересно. Все четыре сочинения сегодня входят в золотой фонд перуанской историографии об инкском периоде, хотя не сразу и не одновременно получили столь высокое признание. Кроме того, они относятся к числу немногих работ, полностью посвященных Древнему Перу, в то время как большинство тогдашних хроник, историй и сообщений повествуют главным образом об испанском завоевании Нового Света и рассматривают «империю» инков лишь как объект конкисты (Херес, Гомара, Сарате, П. Писсаро и др.)» (с. 165). Высокая оценка В. А. Кузьмищевым этих основных для истории инков источников абсолютно справедлива. Но подобный принцип отбора игнорирует многочисленные хроники, которые, не будучи полностью посвящены инкам, содержат тем не менее значительную информацию о Тауантинсуйю. Пользуясь им, автор несколько обедняет свою реконструкцию инкского общества.

Сравнение выбранных произведений В. А. Кузьмищев начинает с изложения биографических данных хронистов и истории создания их работ. Говоря об этой части книги, нельзя не упомянуть об оригинальном решении В. А. Кузьмищевым некоторых источниковедческих вопросов. Такова, например, реконструкция «по аналогии» характера вопроса П. Сармьенто де Гамбоа (с. 177—182) или уточнение года рождения Ф. Помы де Аяяла (с. 186, 187).

Весь же раздел посвящен доказательству полной независимости «Комментариев» Гарсиласо де ла Вега от сочинений упомянутых авторов. Вполне очевидно, что Гарсиласо не мог читать «Хроник» Помы де Аяяла. Но вопрос о невозможности его знакомства с содержанием «Господства инков» Сьесы де Леона (с. 171, 199) остается, на мой взгляд, открытым. Инка, пристально следивший за всем, что писалось о Перу, не мог пропустить выхода в свет «Всеобщей истории Индии» А. де Эррера-и-Тордесильоса, опубликованной за несколько лет до «Комментариев». А ведь Эррера широко использовал в этом труде рукопись Сьесы, хранившуюся в Королевском Совете по делам Индии. Кстати, аргумент о невозможности для Гарсиласо проникнуть в Севильский архив Совета не кажется достаточно убедительным. Но даже если Гарсиласо и был знаком с

рукописями Сьесы и Сармьенто или их изложением, то и тогда вряд ли можно только этим обстоятельством объяснить сходство между «Комментариями» и трудами предшествующих хронистов. Скорее всего нужно согласиться с В. А. Кузьмищевым в том, что все эти авторы черпали сведения из одного основного источника. «Таким источником была разработанная, отредактированная и даже „утвержденная“ самими инками *официальная история* возникновения и жизни индейского царства Тауантинсуйю...» (с. 199).

Подробно анализируя конкретные сведения указанных хронистов по истории и государственному устройству инков, В. А. Кузьмищев всесторонне освещает жизнь Тауантинсуйю, его историю, внутреннюю и внешнюю политику, идеологию и культуру. Остановимся только на некоторых проблемах и в первую очередь на происхождении инков и их государственности. В этом вопросе автор следует в основном в русле тех легендарных сведений, которые приводят хронисты. Среди них он совершенно справедливо выделяет два основных варианта этногенетической легенды (с. 203—205) — первый, связывающий происхождение инков с районом оз. Титикака, откуда они через местность Пакаритампу пришли в долину Куско, и второй, по которому их происхождение связано непосредственно с пещерами Пакаритампу.

Эти легенды уже подвергались обстоятельному анализу в советской американистике. С. Я. Серов убедительно показал, что первый вариант представляет собой «имперскую» версию легенды, возникшую не ранее завоевания Колья, то есть времени Инки Виракочи или Пачакутека³. Другими словами, анализ этих легенд придает определенную хронологическую глубину инкской истории в пределах первой половины 2-го тысячелетия. Важность установления этой хронологической глубины несомненна, ибо только после этого можно ставить вопрос о динамике сложения той, довольно статичной, картины инкского общества, которую зафиксировали ранние испанские хронисты, давшие практически лишь хронологический срез современной им перуанской действительности.

Разбор В. А. Кузьмищевым различных вариантов инкских династических списков (с. 205—213) ярко показывает, как мало они могут дать для установления реальной хронологии. Поиски здесь могут идти только при сопоставлении данных письменных источников и археологии. Несмотря на крайнюю ограниченность археологических исследований, уже можно говорить и о раннеинкских материалах на территории Куско⁴, и о том, что в жизни инкских городов был, вероятно, период самостоятельного существования, независимого от Куско⁵. Последнее особенно важно, так как свидетельствует о местном сложении инкской государственности, скорее всего на основе союза родственных кечуанских племен. При этом вопрос о том, были ли инки пришельцами в долине Куско или нет, становится малосущественным. Тем более, что и легендарное Пакаритампу находилось, по преданию, недалеко от Куско. Все это подтверждает правомерность сомнений В. А. Кузьмищева в исторической справедливости версии Гарсиласы и Сьесы о цивилизаторской миссии инков (с. 214—215), версии, которая отражала официальные установки инкского государства.

Касаясь вопроса об отсутствии у инков настоящей письменности (с. 231—234, 262—265), В. А. Кузьмищев убедительно показывает, что «узелковое письмо» — кипу, в сочетании со специалистами-кипукамайоками, назначаемыми для его расшифровки и запоминания сообщаемых сведений, и с развитой службой гонцов — часки, представляло собой такой же эффективный способ хранения и передачи информации, как и соответствующая этим средствам ранняя письменность древнейших государств Мезоамерики и Старого Света.

В этой связи некоторое недоумение вызывает полное доверие автора к рассказу Ф. де Монтеиноса и его уверенности в существовании ненайденной инкской письменности, якобы запрещенной одним из Сапа Инков (с. 262—263). Он пишет: «И все же как быть с письмом? Его нужно искать, ибо оно почти наверняка было. Вернее, не могло не быть» (с. 264). Искать, конечно, нужно. Но вероятность такой находки крайне невелика. Видимо, отсутствие письма было специфической особенностью древнеперуанских цивилизаций вообще. Ведь его нет и в предшествовавших инкам раннеклассовых обществах — Тиауанако, Уари, Наска, Мочика⁶. Зато в них были очень высоко развиты другие виды графики — живопись и символика.

Формальное отсутствие письменности не значит, однако, что Древнее Перу шло по какому-то особому пути исторического развития. Ведь стадийно для раннеклассового общества и государства было необходимо не столько само письмо, сколько то, что его порождает функция фиксации, накопления и передачи сведений хозяйственно-административного учета и религиозных установлений. Письмо было оптимальным средством

³ С. Я. Серов. Динамика этногенетического мифа инков. — «Этническая история и фольклор». М., 1977, с. 35, 44, 45, 54—56.

⁴ T. H. Rowe. An introduction to the archaeology of Cuzco. — «Papers of Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», v. 27, N 2. Cambridge, Mass., 1941, p. 61.

⁵ Подробнее см.: В. А. Башилов, С. Я. Серов. Новые книги по истории культуры инков — «Сов. этнография», 1975, № 4, с. 184—187.

⁶ Ссылка автора на статью Ю. В. Кнорозова и И. К. Федоровой (Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы — «Латинская Америка», 1970, № 5) в связи с «системой письма, передававшего звуковую речь», у мочика является ошибкой. На с. 86—87 эти авторы говорят лишь о символическом значении некоторых знаков и о неудаче попытки Р. Ларко Ойле усмотреть в них мочикскую письменность.

осуществлении этой функции, но, видимо, не единственным. В инкском обществе таким средством стала система: «долгая память» (кипукамайоков) + кипу + ноги («краткая память») чакси. Система эта зародилась, вероятно, еще в доинкских цивилизациях. Недаром в хронике М. де Моруа содержится упоминание о занятии инками кипу у жителей завоеванного ими государства Чимор — прямых наследников цивилизации Мочика. Упомянутая система, доведенная инками до совершенства, была таким образом функциональным эквивалентом ранней письменности. Другими словами, мы имеем здесь дело не с принципиальным путем развития, а лишь с особой, исключительной формой воплощения тех же общенсторических закономерностей, что и в других мировых центрах древних цивилизаций.

Один из последних разделов книги (с. 346—355) В. А. Кузьмищев посвящает крайне сложной и дискуссионной проблеме определения характера раннеклассового инкского общества. В советской историографии существуют две противоположные точки зрения по этому вопросу. Горячий сторонник первой из них — Ю. А. Зубрицкий — полагает, что Тауантинсуйю было рабовладельческой деспотией древневосточного типа⁷. Отмечая большую роль эксплуатируемой общины — айлью, он, однако, считает определяющим моментом эксплуатацию особого социального слоя — янакун, которых он безоговорочно называет рабами. Вторая точка зрения наиболее аргументированно высказана И. К. Самаркиной. Она считает, что «патриархальные отношения составляли основу общественного строя империи инков, которая представляла собой государственную систему аграрных общин»⁸. Янакуны, по мнению этого автора, это люди различного социального положения, которые в силу тех или иных причин оторваны от своего айлью⁹.

В. А. Кузьмищев занимает в этом споре промежуточную позицию¹⁰, считая, что, хотя янакун «можно отнести к категории домашних рабов», они не играли никакой роли в производственной сфере (с. 349). Тауантинсуйю он относит к рабовладельческим государствам (со значительными пережитками первобытности) на том основании, что, хотя там и не было классического индивидуального рабства, но вместо него «в положении коллективного раба оказалась сама община» (с. 350). Существенное расхождение указанных точек зрения отражает и сложность разбираемых проблем, и, прежде всего, недостаточную разработанность вопросов теории раннеклассового общества, которая отразилась на результатах известных дискуссий 60-х годов.

Оценивая книгу В. А. Кузьмищева в целом, нужно сказать, что это глубокое, иногда спорное, но всегда интересное исследование. Впервые в советской американистике принят такой серьезный анализ творчества одного из выдающихся писателей XVI в., чьи произведения подробно рассказывают об инкском государстве, принадлежащем к той стадии общественного развития, которая в Старом Свете отделена от нас тысячелетиями. В. А. Кузьмищев убедительно показал историческое место Гарсиласо де ла Вега, объединившего в себе два этнических и культурных начала Латинской Америки. Автор попытался проследить подлинные события жизни и мотивы творческой деятельности Гарсиласо, часто реконструируя их гипотетически. При этих реконструкциях он всегда стремился учесть и психологические факторы, и всю сложность исторической и жизненной ситуации, в которой в тот или иной момент находился перуанский хронист. Это придает большую достоверность построениям В. А. Кузьмищева. В то же время он никогда не навязывает читателю свои выводы, всегда оговаривая гипотетичность тех или иных положений и возможность другого решения проблемы. Талантливо написанная книга читается с увлечением и не может оставить читателя равнодушным. Она заставляет глубоко задумываться над поставленными автором вопросами, спорить, искать самостоятельного решения некоторых из них. И в этом большая заслуга В. А. Кузьмищева, воссоздавшего перед нами яркую и сложную личность «первого латиноамериканца» Инки Гарсиласо де ла Вега.

В. А. Башилов

⁷ Ю. А. Зубрицкий. Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975, с. 19; его же, Культура Тауантинсуйю — «Культура Перу». М., 1975, с. 32.

⁸ И. К. Самаркина. Община в Перу. Очерк социально-экономического развития. М., 1974, с. 52.

⁹ Там же, с. 58.

¹⁰ См. также: В. А. Кузьмищев. Еще раз об инках. — «Латинская Америка», 1973, № 2.